

Виктор Балдоржиев

Вне времени и ужасов

Не имеющие сравнений

18+

Виктор Балдоржиев

Вне времени и ужасов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34710079

SelfPub; 2018

Аннотация

Там, где убийство живых существ считается обычным делом, вряд ли кто-нибудь приходит в ужас. Но я много раз наблюдал за европейцами, которые становились совершенно безвольными и покорными существами, став невольными свидетелями хладнокровного убийства животных особым монгольским способом...

Содержание

Вне времени и ужасов	5
Язычники	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Балдоржиев

Вне времени и ужасов

На самом деле человеку неведомы понятия времени и ужасов, если он живёт и развивается со своим миром, не входя в реакцию с другими мирами, после чего у него появляются сравнения. Не имеющие сравнений ограничены своими границами.

Там, где убийство живых существ считается обычным делом, вряд ли кто-нибудь приходит в ужас. Но я много раз наблюдал за европейцами, которые становились совершенно безвольными и покорными существами, став невольными свидетелями хладнокровного убийства животных особым, монгольским способом.

Представьте, как делают надрез в районе солнечного сплетения и, мгновенно войдя в плоть и пробив диафрагму животного, жёсткий средний палец, пройдя под аортой, коснувшись позвоночника, рвёт её, и под рукой хлещет горячая кровь... Насколько убийца знает анатомию и строение живого организма? Ведь это у него должно быть на уровне генетической памяти.

Такое могло случаться и, наверное, случалось с людьми. Эти случаи претендуют стать серьёзными кассовыми триллерами, ибо они взяты из реальной истории, а события, описанные в рассказах, происходили на самом деле с кон-

Язычники

события V века

Ну и весна выдалась в этом году! Вот опять после полудня повалил хлопьями густой мягкий снег, повлажневшая и порыжевшая степь слилась с хмурым серым горизонтом, неистовый ветер налетел из-за горизонта. Началось! В сумерках вьюга завывала и подвывала на разные голоса, ураганный ветер неистово разлохмачивал и развеивал седые космы поземки и кошму ветхих юрт на окраине куреня... Проклиная свою жену и в тысячи раз грозясь проломить ей башку, Жирный Жаргал¹ три раза выходил в буран и крепко затягивал все поперечные и продольные веревки своего жилища. А в юрте было тепло и уютно, в очаге приплясывало желтое пламя, в углу посапывал сынишка-бутуз, укутанный в меховое одеяло. Но вот открылся полог входа. А, жена за-явилась, наконец-то!

- Ты где шляешься, паршивая овца, причина моих несчастий! - заорал Жирный Жаргал, когда худющая, кожа да кости, женщина с провалившимися темными глазами кое-как вошла в юрту, отряхивая от снега грязный нагольный халат и островерхий малгай из ягнячьих шкур.

¹ Жаргал - счастье. Имена встречающиеся в рассказе: Туян - луч, сияние, Цыцк - цветок, Хара Хонин - черная овца.

Но не успел хозяин наградить безропотную жену тумакми и пинками, как вслед за ней ворвались два здоровенных воина из ханской стражи в толстых меховых шубах и рысьих малахаях. Желтоглазые и раскосые, перебивая друг друга, они оглушительно заорали на опешившего Жирного Жаргала, вытаращившего от испуга глаза:

- Ты, жирная собака, где твой раб Туругай?

- Куда ты его подевал, мешок, набитый салом? Отвечай!

- Ту-тту-ругай? Он должен быть со всеми, в юрте рр-ра-бов, - начал заикаться и пятиться Жирный Жаргал.

Худая и черная жена его уставилась темными недоумевающими глазницами на щекастых и усатых воинов с кривыми саблями.

- Ты врешь, дохлый и пузатый тарбаган! Там его нет! - свирепо заорал один из воинов и так пнул Жирного Жаргала сапогом-гутулом, что тот охнул и оказался за очагом. - Ищи его быстро, пока мы из тебя твои вонючие кишки не выпустили!

- Где он, Хара Хонин? – завизжал на жену хозяин и вlepил ей затрещину, отчего черная голова женщины безучастно мотнулась и снова остановилась, но глазницы ожили.

- Тту-ттургай, целый дд-день выделявал шкуры, уу-устал и пп-попросился спать в юрте, где хранят шш-шерсть, - пролепетала Хара Хонин, за что была награждена пинком мужа.

- Одевайся, бурдюк с мочой! - яростно закричали воины на Жирного Жаргала. - Веди своего толстого раба в большую юрту ханской стражи. Хан заболел. Быстреей!

Тут заголосил укутанный в меховые овчинные одеяла сынишка хозяина юрты, четырехлетний Толстый Туян, отличавшийся от отца только тем, что у него пока еще не было трех клочков жестких волосинок вместо усов под двумя дырочками на жирном лице вместо носа и пучочка волос на подбородке вместо бороды, но, скосив узкие глазенки, сын, как и его отец, мог замечательно видеть свои пухлые щеки. Воины начали посмеиваться, глядя на засюсюкавших отца и сына.

- Что стоишь, дохлая ведьма! - вдруг завопил Жирный Жаргал на полоумную жену, оскаливая кривые желтые зубы.
- Не видишь - мой сын хочет есть!

- Поторапливайся, дерьмо коровье! - ткнул черным громадным кулаком хозяина один из воинов, и трое вышли в буран, где их сразу захлестнуло крутящимся со свистом снегом.

Жирного раба Туругуя они нашли спящим в большой черной юрте, где хранилась ханская шерсть, которую рабы скатывали в кошму. Он спал, неловко подогнув большую круглую голову, ему мешала колодка-канга, стягивающая шею. Год назад этого раба пригнал Жирному Жаргалу начальник ханской стражи, когда вернулся из набега в верховья Селенги, где воины захватили много людей и добра.

- Видишь какой большой ноен? Мы его для тебя из постели выковыряли! - хохотал начальник стражи, выпивая пиалу за пиалой араку и поедая горячие колбасы с кровью, жиром

и печению. Пар клубился над застольем.

- Он еще не работал, смотри какой жирный! Ха-ха-ха! - не мог нахохотаться начальник. – Ничего, успеет похудеть.

За год Туругай отупел, оскотинился, но почему-то не похудел...

В большой юрте ханской стражи было жарко и светло. Ярко пылал в очаге огонь, в медных плошках горели фитили. Пахло горелым жиром. Два воина азартно играли в кости и громко переругивались. Повсюду висели кривые сабли, луки, колчаны, щиты и кольчуги.

С Туругуя даже не сняли колодку: как только он вошел, опасливо озираясь, его ударили по затылку дубиной. Раб упал, оглушенный. Проворный воин в одной рубашке из тонкой продымленной шкуры, сел на него и, быстро сделав острым ножом надрез на его животе, сунул в хлюпнувшую дыру руку почти по локоть. Раб дернулся и затих, на губах его запенилась кровь, тело обмякло. Игравшие в кости даже не оглянулись.

- Готов! - весело сказал проворный воин, вынимая из живота раба окровавленную руку. - Этот подойдет. Жирный...

- Иди, вонючий тарбаган. Если хану не станет лучше, то зарежем и тебя. Ты тоже жирный! Ха-ха-ха! - захохотали шутники-стражники, начиная быстро снимать с мертвого раба острыми ножами– хянгарами кожу, как шкуру с барана...

У Жирного Жаргала сразу ослабли ноги и челюсти, верх-

ние зубы бились о нижние, обезумев от страха, он побежал сквозь снежный буран к своей юрте через весь ханский курень. Вьюга завывала предельно, будто ввинчивалась тысячами острями в небо. Едва-едва виднелись контуры юрт, их будто крутило вихрем, не было ни души, казалось, что всех унесла вьюга к чертям и злым духам.

Облепленный снегом и обезумевший от страха, он ворвался в теплую юрту. Жена его тупо убаюкивала сына. Хозяин вмиг очухался и окреп. Он набросился на жену и бил ее до тех пор, пока не устал. Но это не утешало его. Утром, когда буран утих и начал таять снег, обнажая мягкую землю, Жирный Жаргал избил всех девятерых исхудавших рабов. Но ничто не помогло и не приносило облегчения.

Жирный Жаргал заскучал...

Отцвели подснежники, густо зазеленела степь. Воины не появлялись. Хан продолжал болеть. Жирный Жаргал сходил с ума и не знал что делать и как жить. Он хорошо знал шутников-стражников, которые никогда не бросали слов на ветер!

Всю жизнь небо оберегало Жирного Жаргала. Он был поставлен над пятью сотнями ханских овец, десятью рабами, женой и сыном. Его первая жена умерла семь лет тому назад, прожив с ним всего два года. Он тогда пнул-то ее всего один раз, а она умерла. Вот нахалка! Но Жирный Жаргал шибко не горевал. Он знал, что за такого богатого и красивого че-

ловека, как он, любая выйдет. Он взял молодую жену из бедной семьи, одарив несчастных старой лошадью и бараньими кишками. Умел, если хотел, Жирный Жаргал осчастливить людей!

Теперь он смотрел на эту худую женщину в ссадинах и синяках, с головой похожей на череп, обтянутой черной кожей, и недоумевал. Как же так? Его обманули! Шесть лет назад это была крепкая и мясистая девушка по имени Цыцк. Но она пасла овец в дождь и простудилась, сильно заболела. Шаман, чтобы обмануть злых духов, дал ей это имя, Хара Хонин. Теперь ее нельзя было называть по-старому. А шаман попросил зарезать жирную овцу, и как только Жирный Жаргал вскрыл брюшину животного, шаман посадил нагую женщину в желудок овцы, долго держал ее в теплом и зеленом дерьме, потом обтер и завернул в свежую шкуру. Потом положил на тело больной внутренности овцы - сердце к сердцу, печень на печень, легкие к легким... Цыцк, тьфу, теперь уже Хара Хонин, быстро выздоровела. Родила толстого ребенка.

Но во что она теперь превратилась? Правда, она работает с рассвета до поздней ночи. Но кто не работает? Не Жирный же Жаргал, начальник ханской отары, должен надрываться!.. Хара Хонин вставала задолго до рассвета, доила кобылиц, коров и овец, кормила Толстого Туяна и Жирного Жаргала. Потом бежала к рабам и работала с ними, пасла все время овец, потом снова кормила Толстого Туяна и Жирного

Жаргала, в полдень опять доила коров, кобылиц и овец, затем снова кормила Толстого Туяна и Жирного Жаргала, потом снова доила, кормила, пасла. И так без конца. А еще она делала кумыс, айрак, тарак, арсу, айран, хоймог, зэгэй, араку, сметану, масло и много других молочных продуктов, ибо животных много, а с каждой животины особый продукт со своими тонкостями и особенностями, не говоря о желудках с кровью, колбасах, грудинках и другой пище, коей получается великое множество даже с одного барана. Было отчего удивляться Жирному Жаргалу - так много мяса и молока, а жена у него, ходячий скелет!

Любая женщина должна работать и содержать юрту, иначе какая же она женщина! А мужчине надо готовиться к войне и ходить в походы со всеми, иначе какой же он мужчина! Но Жирного Жаргала на войну и в походы не брали. Он втайне подозревал, что из-за его непомерного и круглого живота, предмета зависти одногодков, но более всего был уверен, что его не берут из-за того, что он начальник ханской отары овец, которая должна быть в каждом курене. Но все же воином и мужчиной его никто не признавал, за что и доставалось Хара Хонин. Она могла признать Жирного Жаргала кем угодно, лишь бы он сказал - кто он сегодня. Вот какую власть имел над бедной женщиной этот всемогущий и добрый человек!

И вот теперь из-за этой черной неблагодарной овцы могут зарезать его, Жирного Жаргала. Хан болеет. Ему не пристало, как простому человеку, лечить себя внутренностями

и шкурой какой-то овцы. Конечно, любое животное хорошо излечивает болезни, об этом все в степи знают, но человек должен быть лучше животного. И вот зарезали хану раба Турругая, бывшего ноена. А потом могут зарезать и Жирного Жаргала. И все потому, что воины ханской стражи выше любого тысячника! Ведь они долго не могли найти раба, разозлились, потом развеселились, а эти шутники и ничего не забывают. А кто отправил этого вонючего раба из общей юрты отдыхать на шерсти, кто?

На сердце Жирного Жаргала становилось до того тоскливо, что, не вытерпев, он бежал к глинистому ручью, где вместе с рабами выделывала прокисшие овечьи шкуры Хара Хонин, и несколько раз злобно пинал ее в тощий зад, потом яростно начинал охаживать плетью рабов. Напрасно черная женщина и иссохшие существа в колодках кричали и ползали по камням и холодному желтоватому ручью, плеть наступала их повсюду. Вот какой вездесущий человек был Жирный Жаргал, когда хотел отыскать причины своих несчастий и бед!

Но прошел месяц, степь заголубела, воины не появлялись на краю куреня. Значит хану стало лучше, утешал себя Жирный Жаргал, хотя слухи гуляли очень не хорошие.

Земля смешалась с влажными серыми облаками, начались ливни! Но как только выглянуло солнце, заболел Толстый Туян, заметался в жару, заголосил беспрерывно, засу-

чил пухлыми ножками. Беда! Ведь сын - причина существования на земле мужчины.

- Недоглядела! Простудила! Ах ты, высохшая шкура! - визжал Жирный Жаргал и одаривал жену затрещинами, отчего сухая и черная голова ее безучастно моталась в разные стороны, а глазницы были совершенно мертвы. Хозяин подозревал, что жена притворяется.

Пришлось звать шамана и резать овцу.

Раб уронил животное на спину и держал за задние ноги. Жирный Жаргал сделал быстрый надрез на брюхе овцы, сунул туда руку по локоть, мгновенно пробил пальцами диафрагму и дойдя до позвоночника, зацепил и дернул, порвав артерию. Кровь забила фонтаном под рукой. Овца дернулась и затихла. Точно также зарезали раба Туругая! Вспомнив про это, Жирный Жаргал похолодел.

Шаман отпарил капризного толстячка-мясоеда в горячем зеленом дерьме, обтер, приложил к телу внутренности и обмотал шкурой. Они должны были высосать из тела человека болезнь. И высасывали так что внутренности животного чернели!

- Смотрите, малейшая простуда и он умрет! - наказал старый шаман.

Жирный Жаргал днями и ночами подкладывал в очаг жаргал и прутья сухого тальника. Сын был почти здоров, когда Хара Хонин опять не доглядела за ним, хотя все время пасла овец. И снова черная голова безучастно моталась в разные

стороны, опять визжал Жирный Жаргал. Но все было бесполезно. Сын не поднимался.

В юрте поселилась тоска.

В один из унылых вечеров Хара Хонин привела маленького и худенького старичка в желтом малгае и рваном халате, под которым оказалась желтая одежда и красная материя, перекинута через плечо.

- Он вылечил и поднял на ноги умирающего раба. Может быть, и нашего Туяна вылечит, - осмелилась робко сказать жена, подавая старику пиалу молока.

Жирный Жаргал мудро промолчал, при людях он всегда становился важным и заботливым господином, потакающим людским слабостям.

На другое утро странный старик пощупал лоб и пульс ребенка, заставил его открыть рот, посмотрел в зрачки, потом начал разводить в деревянной чашке коричневые порошки.

- Ты кого, сучка, привела? Он отравит нас всех! - шипел на улице хозяин, пытаясь хоть за что-то пребольно ущипнуть жену. Но зацепиться и ущипнуть было не за что.

- Он ходит по нашим куреням и айлам второй год, многих вылечил, - шептала в ответ, осмелев, жена. Вот нахалка!

Толстый Туян две ночи сильно потел, а на третье утро проснулся совершенно здоровым и капризно потребовал самого жирного мяса. Старик смотрел на невзрачного бутуза, как на ожившего упыря. А потрясенный Жирный Жаргал не знал как и чем угодить волшебному старику в невзрачной

одежде и с перекинутым через плечо сумой. Хара Хонин подавала старику пиалу арсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.